

Марина Ветрова

Развод с предателем.

Ты объявил меня безумной,
чтобы забрать детей!

Марина Ветрова

Развод с предателем. Ты объявил меня безумной, чтобы забрать детей!

*<https://litres.ru/74662934>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я вернулась из командировки с любимым тортом для мужа. А застала его в кабинете с другой женщиной.

— Вера, тебе нужно лечиться. Ты опасна для наших детей!

Андрей, известный кардиохирург, объявил меня сумасшедшей. Его любовница заняла моё место в клинике, свекровь настроила против меня сына, а маленькую дочь заставили называть чужую женщину мамой.

Они подделали медицинские справки, заблокировали счета и приготовили документы на развод.

Но мой муж кое-чего не учёл: я главный бухгалтер и знаю, где искать финансовые тайны.

Теперь вместе с загадочным IT-аудитором Максимом я раскрою их преступную сделку.

И верну своих детей, профессию и право на счастье!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марина Ветрова

Развод с предателем. Ты объявил меня безумной, чтобы забрать детей!

Глава 1

Самолет из Питера приземлился на сорок минут раньше расписания. Вместо того чтобы сразу ехать домой, я завернула в кондитерскую. Теперь стояла у служебного входа «КардиоЛайф», придерживая локтем дверь и прижимая к себе коробку: нижний угол размок под ноябрьским дождем. Андрей любил малиновую прослойку, но сам торт никогда не заказывал. «Слишком сладко», — говорил, а потом соскребал крем с моего куска. Я даже попросила положить вторую пластиковую ложку. И представляла, как он поднимет голову от бумаг: сердитый, измученный — и обрадуется. Хотя бы на минуту.

Я собиралась поставить коробку между его папками и сказать: «Отчет сдала. Теперь твоя очередь уделить мне время». Наверное, он засмеется. Карие глаза сощурятся, и я перестану подсчитывать, сколько вечеров мы прожили в одной

квартире, не поговорив друг с другом. Дома Кирилл снова закрылся бы с учебником, Алиса спросила бы, будет ли папа ужинать. Мне хотелось привезти им его обещание, которому можно верить. Да и самой услышать что-нибудь кроме «Вера, платежи посмотрела?»»

Лифт поднялся до пятого этажа. Кабинет Андрея находился в конце коридора, за стеклянной перегородкой. Свет горел. Это значило, что он здесь. Сердце сделало кульбит, и я поправила выбившуюся прядь волос. Вдохнула глубже, пытаюсь успокоить дрожь в коленях. Страх перед тем, что он занят операцией или срочным звонком, сменился азартом. Сейчас будет смешно. Он поругается, потом засмеется, съест кусок торта и скажет, что я ненормальная.

Я толкнула дверь без стука.

В кабинете пахло чужим парфюмом. Не моим. Не тем легким цитрусовым запахом, который я люблю, а тяжелым, сладковатым ароматом жасмина и чего-то терпкого. Этот запах ударил в нос сильнее, чем звук открывающейся двери.

Андрей стоял спиной ко мне. Он перебирал какие-то папки на своем массивном дубовом столе, и этот шорох бумаги был единственным звуком, кроме моего сбившегося дыхания. Но главное, там была она. Елена Гром. Администратор клиники, моя бывшая однокурсница, та самая Лена, которая всегда улыбалась слишком широко и смотрела на Андрея так, будто он был трофеем, а не коллегой.

Она сидела в кресле напротив стола, закинув ногу на но-

гу. В руках у нее была белая фарфоровая кружка, из которой поднималась тонкая струйка пара. Она пила кофе. Спокойно. Как хозяйка этого кабинета. Как хозяйка этой жизни.

— Привет, Вера, — сказала она, даже не вздрогнув. Ее голос был ровным, лишенным вины. Только легкая усмешка в уголках губ.

Я задержалась на пороге. На стене тикали часы: десять вечера. Графики приема к этому времени давно подписаны. Лена могла бы оставить бумаги секретарю — но сидела, закинув ногу на ногу, и пила из белой кружки с золотой каемкой. Такую нам подарили на годовщину. Я мыла ее вручную, потому что Андрей жаловался на вкус кофе после посудомойки. Даже эта мелочь оказалась важной: кружку он забрал из дома, а мне не сказал.

Я сделала шаг внутрь, игнорируя Елену, фокусируясь только на Андрее. Мне нужно было его лицо. Его реакция. Если он обернется и увидит меня, всё рухнет, и он поймет, что ошибся, что это случайность.

— Андрей, — мой голос прозвучал хрипло, чужеродно. Я повысила тон, требуя внимания, как ребенок, которого не замечают. — Ты слышишь меня?

Он не обернулся. Папки продолжали шелестеть. Секунда тянулась как резина. Пять секунд. Десять. Его молчание было громче любого крика. Оно создавало вакуум, в котором моя надежда начала задыхаться. Паника, холодная и липкая, поползла вверх по позвоночнику. Он игнорирует меня. Пря-

мо сейчас. При посторонней.

— Андрей! — крикнула я, и это сорвалось с меня само собой, некрасиво, визгливо.

Он медленно, словно нехотя, повернул голову. Его профиль был каменным. Никакого удивления. Никакого страха быть застигнутым. Только скука и какое-то раздражение, будто я помешала ему решать важную задачу. А может, я действительно помешала.

Елена отпила глоток кофе и посмотрела на меня с сочувствием, которое было хуже ненависти.

На столе, прямо перед ними, лежали два паспорта. Открытые. На страницах с регистрацией по месту жительства. Один адрес. Одна дата. Для меня у него всегда находилась командировка, ночное дежурство — а с ней он уже делил адрес. Я наклонилась ближе, сверяя цифры еще раз.

Андрей даже не попытался закрыть документы. Он просто стоял, опираясь руками о стол, и смотрел на меня. Его глаза скользили по моему лицу, оценивая ущерб.

Я сделала шаг назад. Руки затряслись так сильно, что коробка с тортом качнулась, и торт внутри съехал к краю. Я цеплялась за любое объяснение, при котором еще можно было поставить торт на стол и сесть рядом с мужем. «Он проверял данные для операции... нет, это бред. Паспорта нужны для госпитализации... но зачем вместе?»

— Что это значит? — спросила я. Вопрос повис в воздухе, глупый и жалкий.

Андрей выпрямился. Его голос был тихим и низким — таким он говорил с пациентами, которые не слушают инструкций, — ровным, без эмоций и без интонации.

— Ты видела только то, что я хотел тебе показать, Вера.

Хотел показать. Я повторила эти два слова про себя. Значит, он не застигнут врасплох, не ищет объяснения. Стоит и ждет, что я сделаю дальше. Коробка скользила в ладонях, а он следил за ней — почти с интересом, будто надеялся, что я сейчас уроню торт. Я перехватила картон покрепче. Не дам ему и этого.

Елена поставила кружку на стол. Звук фарфора о дерево был оглушительным.

— Ой, Верочка, ты же знаешь, у тебя нервное, — произнесла она, называя меня «Верочкой» так, будто мы были близкими подругами, а не врагами. Интонация была мягкой, материнской, но слова содержали яд. — Коллектив обсуждает твои срывы. Говорят, ты плохо спишь, путаешь цифры. Может, стоит отдохнуть? Пока Андрей занимается важными делами клиники.

Она намекала на слухи. На то, что моя компетентность уже под вопросом. Медсестры поверят ей: Лена говорила спокойно, а я едва могла выговорить имя мужа. Я открыла рот, чтобы возразить, сказать, что я главный бухгалтер, что я контролирую каждый рубль, но слова путались, превращаясь в бессвязный набор звуков. Я чувствовала себя дезориентированной, пьяной от шока, хотя была абсолютно трезва.

Андрей достал телефон. Он не смотрел на меня. Он набрал номер охранника, который работал посменно.

— Сергей, — сказал он сухо. — Проведи госпожу Соколову до выхода. Она нарушает пропускной режим в нерабочее время. И заблокируйте ей доступ в административную зону до выяснения обстоятельств.

Он использовал свою власть врача, владельца доли в клинике, против меня. Против жены. Сергей знал меня пять лет. Сейчас ему приказали вывести меня, как постороннюю.

Я знала, где Сергей держит запасной пропуск, сколько ему доплачивают за ночные смены, как зовут его маленького сына. Все это больше ничего не значило. Муж позвонил — и меня выведут. Хотелось спросить, кто заплатил за костюм, в котором Андрей сейчас стоял, но это прозвучало бы жалко. Я прикусила щеку изнутри и дождалась охранника.

Сергей, молодой парень в форме, вошел через минуту. Он выглядел смущенным, но послушным.

— Извините, Вера Андреевна, — пробормотал он, указывая на дверь.

Я развернулась. Торт все еще был в руках. Я поставила его на ближайший столик в коридоре, аккуратно, чтобы не испачкать пол. Это было последнее действие человека, пытающегося сохранить порядок в хаосе.

Коридор медицинского центра встретил меня гулом вентиляции и стерильным холодом. Шаги отдавались эхом в пустом пространстве. Я шла быстро, почти бежала, боясь, что

если остановлюсь, то упаду и не встану никогда. Слез не было. Было только ощущение, что кожа стала слишком тесной, что ее нужно снять.

И тут я заметила деталь.

Через приоткрытую дверь кабинета был виден монитор Андрея. Экран не был погашен. Там открыт файл с названием, написанным жирным шрифтом: «Финансовый аудит_Клиника_Версия_2».

Рядом с клавиатурой лежала распечатка — я заметила ее еще у стола. Подпись Елены Гром, вчерашняя дата.

Я остановилась, вцепившись пальцами в холодную стену. Воздух вылетел из легких.

Это не была страсть. Это не была случайная измена, где чувства взяли верх над разумом.

Андрей не бабник. Он не слабовольный мужчина, поддавшийся искушению.

Он соучастник.

Эти паспорта, этот кофе, этот разговор — это спектакль. Представление для меня. Зачем им нужен был конфликт? Чтобы вывести меня из равновесия. Чтобы доказать, что я нестабильна. Чтобы убрать единственного человека, который знает реальные финансовые потоки клиники.

«Финансовый аудит». Рейдерский захват. Конкуренты. Подстава.

В названии файла была вторая версия. Первую я не видела. Вот что царапало сильнее чужой кружки: финансовый

аудит подготовили без главного бухгалтера. Я перестала искать на лице Андрея хоть что-то человеческое и принялась вспоминать, кто имел права создавать такие документы. Лена. Сам Андрей. Системный администратор по их запросу.

На большом пальце осталась полоска размокшего картона. Я сняла ее ногтем, чтобы занять руки. Старые учетные записи еще могли работать: когда меняли сервер, переносили пользователей целиком, без проверки. Андрей сам торопил: операции, отчеты, некогда. Я тогда предупреждала, что так нельзя. Впервые захотелось, чтобы он действительно меня не послушал.

Если они хотят сделать меня сумасшедшей, чтобы украсть клинику, мне придется играть по их правилам. Но у меня есть доступ ко всем цифрам. И я уже знаю, где искать дыры.

Я пошла к лифту, уже прикидывая, как попасть в свой офис на первом этаже. Там был компьютер, подключенный к серверу. Но Сергей держался рядом, и до выхода оставалось слишком мало времени, чтобы что-то предпринять.

Андрей показал мне один адрес в двух паспортах.

Но где-то оставалась вторая запись — дата создания этого аудита. Ее я и собиралась найти.

Глава 2

По дороге домой я снова и снова возвращалась к разговору, который начался в кабинете еще до вызова охраны. Воздух там был сперт, пропитан запахом дорогой кожи кресла и чем-то еще — сладковатым, приторным, как дешевые конфеты на корпоративе. Я стояла посреди комнаты, сжимая сумку так, что лямка впивалась в плечо до онемения. Передо мной сидел Андрей. Мой муж. Кардиохирург, который перед командировкой целовал меня в макушку и говорил, что любит. А теперь его пальцы лежали на паспорте Елены Гром, открытом на странице с регистрацией.

— Почему ты не сказал? — мой голос дрогнул, превратившись в скрип несмазанной двери. Мне нужен был этот вопрос. Нужна была хотя бы капля человеческого объяснения. Не оправдания, нет. Просто правды. Чтобы я могла понять масштаб того, во что превратилась моя жизнь за эти три дня командировки.

Андрей не поднял глаз. Он аккуратно закрыл паспорт Елены и положил поверх своего. Движение было плавным, почти медитативным.

— Я был занят спасением клиники, Вера, — ответил он сухо, без интонации. Как бухгалтер, сверяющий цифры в отчете. — У нас проблемы с лицензированием. Елена помогает их решить. Это профессиональная необходимость.

«Профессиональная необходимость». Я столько раз прикрывала этой формулировкой его опоздания, что могла бы сама произнести реплику за него. Алисе — папа занят. Кириллу — папа устал. Теперь и мне предложили такую же объяснительную. Только Лена сидела рядом и слышала, как он ее называет необходимой.

Меня затошнило от этой мысли. Я резко развернулась к двери, готовая хлопнуть ею так, чтобы стекла задрожали. Но рука Андрея легла на спинку стула, блокируя проход. Не физически — юридически.

— И куда ты пойдешь? — спросил он, наконец поднимая взгляд. Его глаза были холодными, пустыми, как у манекена. — Твой доступ к серверам заблокирован пять минут назад. Ключи от квартиры у меня. Если ты выйдешь сейчас, ты останешься на улице. С детьми. Без денег.

В кармане у меня были свои ключи, но проверить их прямо сейчас я не могла. Вдруг он сменил замок? Вдруг детей уже нет дома? Андрей перечислял угрозы в том порядке, в котором они достигали цели: работа, квартира, деньги. Я держалась за сумку и ненавидела себя за то, что первым делом считала, сколько наличных осталось в кошельке.

Внутри меня вскипела злость, но она была бессильна перед фактами. Я достала телефон, трясущимися руками набирая номер Оли, моей единственной подруги со времен университета. Мне нужно было услышать живой голос. Кто-то должен сказать, что я не схожу с ума.

Андрей молниеносно перехватил мои запястья. Телефон выпал из рук, звонко ударившись о паркет. Он поднял трубку, быстро удалил контакт «Оля» и повернул экран ко мне. Он открыл свой контакт: «Главврач».

— Если ты начнешь болтать, — прошептал он мне в ухо, и его дыхание обожгло кожу, — я напишу заявление о твоей профнепригодности до того, как ты успеешь собрать вещи. Твоя истерика уже фиксируется. Ты знаешь, как это выглядит со стороны.

Он бросил телефон обратно мне в сумку. Я нащупала его сквозь подкладку: цел, можно позвонить, когда выйду. Только кому? Оля услышит меня, а здесь первой заговорит Лена. У нее номера всех врачей и привычка пересказывать чужие разговоры еще до конца смены.

Воспоминание отпустило меня у самой двери кабинета. Я вышла в коридор, и дверь закрылась за моей спиной почти беззвучно: Андрей даже не стал хлопать ею. Громкий скандал оставил бы мне хотя бы громкость, а тихое изгнание он рассчитал так, что унесу его я одна.

Коридор клиники встретил меня гулом кондиционеров и блеском полированного пола. Я шла, стараясь дышать ровно, считая шаги. Один, два, три... Каждый шаг отдавался болью в висках. В холле, у стойки ресепшн, стояла Елена.

Она выглядела идеально. Новое платье, аккуратная укладка и тот же запах духов, что витал в кабинете. Когда я поравнялась с ней, она улыбнулась. Широко, искренне, как хозяй-

ка дома, встречающая гостью.

— Вера, привет! — ее голос звучал звонко, привлекая внимание нескольких врачей, ожидающих лифта. — Ты такая бледная. Давай, я угощу тебя кофе? Или лучше чаем? Ты же любишь ромашковый, верно?

От ее заботы меня замутило. Я остановилась, посмотрев ей прямо в глаза.

— Ты шавка, — сказала я тихо, но четко. Слово сорвалось с губ само собой, грубое и точное.

Елена не смутилась. Ее улыбка не дрогнула, лишь чуть сузились глаза. Она поправила прядь волос, пахнущую той же приторностью.

— Главбух должен считать деньги, а не эмоции, Вера, — произнесла она тем же тоном, которым обсуждают цены на продукты. — Ты ошибаешься в балансе. Слишком много чувств, слишком мало логики. Это опасно для бизнеса.

Один из врачей кашлянул в кулак. Другой потянулся к кнопке лифта, хотя уже нажал ее. Никто не спросил, что случилось. Я знала этих людей по авансовым отчетам: у кого вечно терялся чек, кто просил провести командировку задним числом. Сейчас они смотрели на Лену и ждали, когда можно будет пройти мимо. Мои цифры нужны были им охотнее, чем мой голос.

Я отвернулась и пошла к выходу. Спина горела от чужих взглядов.

На улице меня встретил мокрый снег и ветер, липнувший к

лицу холодными хлопьями. Я прождала под козырьком, пока перестанут дрожать руки, потом пошла к машине. Город плыл за окном — огни, витрины, люди, спешащие по своим теплым делам, — и я ехала сквозь него, как сквозь акварель, которую размазали по стеклу.

Дом встречал тишиной. Обычной, бытовой тишиной, которая раньше казалась уютной, а теперь давила на уши. В кухне пахло картошкой фри и котлетами. Мои дети ждали ужина.

Сын, Кирилл, четырнадцать лет, сидел за столом, уткнувшись в учебник алгебры. Он поднял голову, когда я вошла. В его карих глазах, таких же, как у отца, мелькнуло ожидание.

— Мама, почему папа не звонил? — спросил он. — Он обещал позвонить после операции.

Сердце пропустило удар. Я посмотрела на дочь, Алису, которая рисовала фломастерами на салфетке. Она замерла, глядя на меня своими большими глазами.

— Он... он на операции, — солгала я. Голос прозвучал чужим, скрипучим. — Долгая операция. Ему нельзя было отвлекаться.

Кирилл закрыл учебник, оставив палец между страницами. Он заметил, что я сказала про операцию слишком быстро. Еще вопрос — и мне пришлось бы либо рассказать все, либо соврать снова. Я взяла с плиты котлеты, хотя есть никому уже не хотелось. Дома хотя бы можно было ставить тарелки, не спрашивая разрешения.

В этот момент вибрировал телефон, который я забыла в прихожей. Я подошла к нему, руки тряслись так сильно, что едва удалось открыть сообщение. От Андрея.

«Не смей втягивать детей. Если они узнают правду, я заберу их через опеку. Твой нервный срыв уже задокументирован. Мы все решим спокойно, если ты будешь молчать».

Я перечитала текст дважды. Второй раз слова казались абстракцией, но смысл пробивался сквозь туман шока. «Заберу их.» Через опеку. Из-за моего «нервного срыва».

Из кухни донесся скрип стула: Кирилл встал из-за стола. Я повернула экран к себе, чтобы он не увидел сообщение. Сейчас опять придется говорить про операцию. Андрей мог даже не звонить домой — я сама продолжала прикрывать его перед детьми.

Алиса подбежала ко мне, потрогала мое лицо.

— Мама, ты плачешь? — спросила она тихо.

Я схватила ее в объятия, прижав к себе так крепко, что она ойкнула.

— Нет, солнышко. Просто... ветер в глаза.

Но внутри меня что-то надломилось окончательно. Тишина в доме стала оглушающей.

Ночь я проверяла телефон каждые десять минут — ждала сообщения от Андрея, от школы, от кого угодно. Тишина оставалась тишиной. Под утро я перестала ждать и начала планировать.

Утро следующего дня началось с головной боли и ощущение

ния чужого тела. Я оделась в строгий костюм, который купила специально для презентаций инвесторам. Черный, идеальный, безупречный. Броня.

В клинике царила странная атмосфера. Коллеги избегали смотреть мне в глаза. Те, кто раньше здоровался громко, теперь кивали едва заметно или проходили мимо. Страх. Они боялись заразиться моим статусом жертвы.

Я прошла в свой кабинет, но дверь не открылась. Замки были перепрограммированы. Охранник, знакомый мне парень, отвел взгляд.

— Простите, Вера Андреевна. Приказ сверху. Доступ ограничен до выяснения обстоятельств.

Обстоятельств. Каких обстоятельств?

Меня вызвали в отдел кадров. Кабинет был маленький, душный, заваленный папками. За столом сидела женщина лет пятидесяти, главный специалист по персоналу. Она смотрела на меня с жалостью, которая была хуже презрения.

— Вера Андреевна, садитесь, — сказала она мягко. — Нам нужно провести профилактическую беседу. О состоянии здоровья.

Я села, скрестив ноги, пытаясь сохранить достоинство.

— Я здорова. Полностью компетентна. Я привезла квартальный отчет, он идеален.

Женщина вздохнула и достала лист бумаги.

— Клинике нужны стабильные цифры, Вера Андреевна. А не дрожащие руки и эмоциональные срывы. Мы получи-

ли сигнал от руководства о вашей нестабильности. Рекомендуется оформить отпуск без сохранения заработной платы. Формально. Вы же мама двоих детей, правда?

В отделе кадров не предлагали передать дела, найти замену, сверить остатки. Хотели только мою подпись под отпуском. На краю листа оставили достаточно места, чтобы я расписалась. Я подвинула бумагу обратно, не касаясь ручки: добровольный уход потом будет трудно оспорить.

— Это незаконно, — процедила я.

— Это рекомендация, — поправила она. — Но если вы откажетесь, мы будем вынуждены инициировать проверку на соответствие занимаемой должности. А у нас есть заключение врача...

Я вышла из кабинета, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Меня выбивали из седла. По частям. Сначала дом, потом работа, теперь репутация.

Глава 3

Нужны были доказательства. Любые. Что я права. Что я не сумасшедшая.

Я вспомнила про архив бухгалтерии. Старый бумажный архив в подвале, где хранились копии приказов о назначении. Если я найду старый приказ, доказывающий мою высокую квалификацию и отсутствие замечаний за пять лет работы, может быть, это поможет в суде или комиссии?

Пока коллеги обедали, я спустилась в подвал. Там пахло пылью и плесенью. Стеллажи тянулись в темноту. Я искала папку с моим именем, перебирая тонкие картонные коробки.

На нижней полке, за стопкой старых журналов регистрации пациентов, я увидела новую папку. Белую, чистую, без пыли. На ней маркером было написано: «Соколова В.А. Оптимизация штата».

Мои пальцы дрожали, когда я открывала крышку. Внутри не было моих документов. Там лежала распечатка электронной переписки.

Я начала читать. Дата: вчера. Время: 14:30.

Отправитель: «Investor_Grom_Holding@secure.mail».

Получатель: «Andrey.Sokolov@medcenter.ru» (личная почта)

Тема: «Балласт».

«Андрей, ситуация критическая. Соколова начинает зада-

вать вопросы по тендерам. Она видит двойную запись в расходах на оборудование. Нужно срочно убрать её из системы. Репутационный ущерб минимальный, если использовать тему личного конфликта. Подставная любовница уже в игре. Елена справится с задачей. Главное — закрыть доступ к серверам и инициировать процедуру увольнения по состоянию здоровья. Клиника должна перейти под управление Грома к концу месяца. Финансовые потоки будут перенаправлены. Соколова — расходный материал. Устранение балласта обязательно.»

Я перечитала последний абзац. Три раза. Слова складывались в новую картину, от которой кровь стыла в жилах.

В письме была схема рейдерского захвата — и мое место в ней.

В письме мою фамилию повторили дважды. Детей не упомянули ни разу. Я прочитала его еще раз, надеясь увидеть хотя бы возражение Андрея, приписку, что так нельзя. Но передо мной лежало только указание убрать меня. Лист пригодился бы следователю. Мне от него сейчас нужна была другая вещь: повод перестать спрашивать мужа, почему он так поступил.

Я посмотрела на дату в файле. Вчера. Пока я была в командировке, Андрей уже готовил приказ о моем увольнении. Он уже согласовывал схему с инвесторами.

Бумага хрустнула под пальцами. Я расправила загнутый угол, чтобы ни одна строка не потерялась: в суде понадо-

бится весь лист.

Распечатку сложила вчетверо и убрала во внутренний карман жакета. Не в сумку: ее можно выхватить, как телефон. Попробовала шагнуть — край бумаги уперся в ребро. Хорошо. Я буду чувствовать, что она при мне, до самого выхода.

Они думали, что сломали меня. Что я буду плакать в подушку и молчать, потому что боюсь за детей.

Но они забыли главное.

Я — бухгалтер. Я знаю, как считать убытки. И я знаю, как возвращать долги.

На лестнице я едва не повернула обратно в отдел кадров. Хотелось положить письмо перед той женщиной и посмотреть, как изменится ее лицо. Но она могла позвать Андрея, а у меня был один экземпляр. Я прошла мимо ее двери. Их удовольствие от моего крика больше не стоило такого риска.

Я поднялась по лестнице, чувствуя, как каждый шаг становится тверже. Игра началась.

Лифт дернулся на восьмом этаже, и ключи звякнули в моей ладони. Я спрятала их в карман, прежде чем выйти: Галина Петровна непременно заметила бы дрожь. В подъезде пахло вареной свеклой. Раньше я узнавала по этому запаху, что нас ждут к обеду. Пока я была в клинике, Андрей увез детей к матери. Дома оставил коробки моих вещей. А теперь за этой дверью сидели мои дети, и я собиралась их забрать.

Я сделала шаг вперед. Лестничная клетка была темной,

тусклый свет аварийного выхода резал глаза красными бликами. Я шла к двери номер 42, считая ступени про себя, как таблицу умножения. Раз, два, три... Это помогало не сойти с ума. Помогало вспомнить, кто я такая. Вера Соколова. Главный бухгалтер. Мать двоих детей. Женщина, которая умеет считать деньги лучше, чем мужа считают чужие грехи.

Дверь открылась прежде, чем я успела нажать на звонок. Галина Петровна стояла на пороге, преграждая собой весь дверной проем. Она была одета в свой любимый домашний халат с цветочками — тот, что она носила, когда мы отмечали Новый год у них дома. Тогда эти цветы казались мне символом уюта. Сейчас они выглядели как камуфляж хищника. За её спиной, в полумраке прихожей, я увидела маленькую фигурку Алисы. Дочь сидела на полу, обняв колени, и смотрела на меня огромными, испуганными глазами.

— Мама! — тонкий голосок пробился сквозь тишину.

— Не подходи! — рывкнула Галина, выставив перед собой руку с коротко остриженными ногтями. Лицо у неё было каменным, без единой морщинки сомнения. — Ты ей навредишь.

— Галина Петровна, пустите меня, — мой голос звучал чуждо, скрипуче. Я пыталась говорить спокойно, профессионально, как если бы это был спор с налоговой инспекцией. — Алиса хочет домой. Мы заберём её игрушки, и я отвезу её обратно в сад завтра утром.

— Домой? — она усмехнулась, но смеха в этом звуке не

было. — Куда ты её повезешь, Верочка? К себе в квартиру, где ты ночами ходишь по стенам и кричишь имена мужчин, которых нет? Твой муж рассказал мне всё. О твоих «припадках». О том, как ты вчера ночью бегала по коридору с ножом для разрезания конвертов.

Я замерла. Нож для разрезания конвертов лежал в ящике стола. Я им даже не пользовалась последние полгода. Это была ложь. Грубая, примитивная ложь, рассчитанная на то, чтобы вызвать у старухи жалость и гнев одновременно. Но Галина не просто верила этой лжи — она питалась ею.

— Вы врете, — сказала я тихо.

— Алиса боится тебя, — перебила она, повышая голос так, чтобы слышали соседи. — Посмотри на неё! Она вся дрожит! Ты же знаешь, какие справки тебе выписал твой дорогой Андрей? «Нервное истощение с элементами девиантного поведения». Ты опасна для ребенка. Для всех нас.

Из глубины квартиры донесся плач Алисы. Этот звук ударил меня в солнечное сплетение сильнее любого удара кулаком. Я сделала шаг вперед, инстинктивно протягивая руки к дочери.

Галина не отступила. Наоборот, она шагнула навстречу, блокируя проход всем своим телом. Её локоть толкнул меня в грудь, жестко, почти агрессивно.

— Стоять! — прошипела она. — Не трогай меня! Ты больная, Вера. Иди лечись. Или иди в суд, если хватит смелости. А пока — марш отсюда.

И тут из-за её спины вышел Кирилл. Мой сын. Четырнадцать лет. Высокий, худощавый, с той угловатостью подростка, который пытается казаться взрослым, оставаясь ребенком. Он посмотрел на меня. В его глазах не было ни любви, ни жалости. Только холодное, расчетливое презрение. Такое же, как у Андрея. Такой же взгляд, которым кардиохирург смотрит на бесполезный орган, подлежащий удалению.

— Папа прав, — произнес Кирилл ровно. Его голос был низким, сломанным переходным периодом. — Ты сорвалась. Бабушка говорит, ты орала всю ночь. Мы не хотим тебя видеть. Уходи.

Я смотрела на сына, пытаюсь отыскать хоть след вчерашнего мальчишки с учебником. Он даже слова выбирал папины: «сорвалась». Кирилл не знал, что я привезла из командировки, не спросил, почему не спала. Уже успел выслушать объяснение за меня. Я уцепилась за перила — не хотелось, чтобы он увидел, как подогнулись колени.

— Кирилл, посмотри на меня, — я крепче сжала перила. — Это всё вранье. Папа лжет. Бабушка лжет. Я твоя мама. Я всегда была рядом.

— Ты не рядом, — отрезал сын. — Ты в своем мире цифр и денег. А папа — настоящий. Он спасает людей. А ты только считаешь, сколько стоит спасение. Уходи.

Он развернулся и пошел в комнату. Хлопок двери был оглушительным. Щелчок замка — еще громче.

Глава 4

Галина удовлетворенно вздохнула, словно завершила сложный хирургический этап. Она достала телефон.

— Алло, Андрюша? Да, она здесь. Кричит. Пытается прорваться к детям. Нет, я не открываю. Я вызываю охрану клиники, пусть тебя снимают с дежурства, чтобы ты не нервничал. Да. Всё хорошо, сынок. Я держу оборону.

Она говорила громко, нарочито, на весь подъезд. Чтобы каждый услышал. Чтобы каждый понял: эта женщина — угроза. Эта мать — монстр. А её сын — бедный мальчик, которого защищает любящая бабушка и великий врач-отец.

Позор жег кожу изнутри. Я хотела сказать что-то колкое, убийственное. Хотела достать свои аргументы, свою логику. Но горло перехватило спазм. Галина начала отходить внутрь, потянув за собой дверь.

— Стой! — я рванулась вперед, хватаясь за ручку двери.

Мои пальцы сомкнулись на ручке, но там была и рука Галины. Она не отпускала. Мы сцепились в нелепой, грязной борьбе за вход в собственную жизнь.

— Пусти! — рыкнула я.

— Отпусти, дура! — шипела она, впиваясь ногтями в тыльную сторону моей ладони. Боль была острой, пронзительной. Я почувствовала влагу — кровь или пот? Не важно. Важно было то, что эта старуха не боялась меня. Она чув-

ствовала мою слабость.

— Ты думаешь, я не знаю про твои таблетки? — прошептала она прямо мне в лицо, её дыхание было горячим и кислым. — Андрей показал мне выписку из диспансера. Ты принимала антидепрессанты годами. Тебе нужна помощь, а не дети. Ты сама не своя.

Про выписку Галина сказала без запинки. У нее было приготовлено название документа, срок, даже таблетки. Я могла спорить до утра — она будет повторять это соседям, Кириллу, Алисе. Нужно увидеть саму бумагу. Проверить дату, подпись, фамилию врача. Я запоминала эти три пункта, пока свекровь выталкивала меня на лестницу.

Я отшатнулась, прижимая окровавленную руку к груди. Галина захлопнула дверь перед моим носом. Щелчок замков прозвучал как приговор.

В тишине подъезда я слышала только свое учащенное дыхание и далекое эхо лифта, который ехал вверх. Кто-то открывал соседние двери. Шепот. Приглушенные голоса. Камера телефона вспыхнула в проеме напротив — соседка снимала. Снимала меня, растрепанную, с царапинами, с глазами, полными слез и ярости. Именно так я выглядела в их глазах. Параноидальная шизофреничка. Опасная сумасшедшая.

В дверце лифта отражалась женщина с расстегнутым воротником и следами ногтей на руке. Так меня и сняла соседка. Я застегнула верхнюю пуговицу, пригладила волосы.

Поднимать лицо к ее камере не стала. Она хотела еще один скандальный кадр; пусть получит мою спину.

Лифт унес соседку с ее добычей наверх. Я спустилась по лестнице, и каждый пролет оставлял позади кусочек позора: здесь я кричала, здесь рвалась в закрытую дверь, здесь меня снимали на телефон. На улице я застегнула пальто до подбора и пошла в сторону дома.

Дорога до нашей квартиры заняла вечность. Я шла пешком, потому что с такими дрожащими ногами нельзя было садиться за руль машины, которую я бросила у клиники три дня назад. Когда я вошла в дом, запах пустоты ударил в нос. Не пыли, не еды. Запаха отсутствия жизни.

Андрей оставил мои вещи в коридоре. Три картонные коробки. Скотч был наклеен неровно, криво, как будто его делали в спешке или с презрением. Внутри лежали мои платья, книги, документы. Все то, что составляло меня.

Я прошла на кухню. Холодильник гудел монотонно, равнодушно. На столе стояла недопитая чашка чая Андрея. Рядом — его очки. Он уехал, не забрав даже самое необходимое. Потому что ему не нужно было возвращаться. Ему нужно было оставить поле боя очищенным.

Я села на стул и достала телефон. Руки тряслись так, что экран расплывался перед глазами. Я набрала номер адвоката, которого рекомендовала подруга. Гудки шли долго, бесконечно долго. Затем автоответчик: «Мы принимаем новые дела только после личной встречи и предоплаты».

Я бросила трубку. Позвонила в полицию. Диспетчер спросил адрес, имя, суть заявления. «Похищение ребенка?» — переспросил он скептически. «Ребенок находится у законного опекуна, отца. Если есть решение суда о разделении проживания...»

Решения не было. Но это не имело значения. Для системы я уже была «проблемной женой», которая мешает спокойной жизни уважаемого врача.

Вдруг телефон завибрировал. Push-уведомление от банка. Красная иконка.

«Уважаемый клиент! Ваша корпоративная карта заблокирована по запросу уполномоченного лица ООО "МедЦентр" в связи с подозрительной активностью.»

Я уставилась на экран. «Подозрительная активность?» Я не совершала никаких операций три дня. Я только вчера вернулась из командировки.

Кто дал это распоряжение? Галина Петровна. Она владела двадцатую процентами доли в клинике через номинальную компанию. Андрей имел контрольный пакет. Они распоряжались корпоративными счетами. Личные карты они так заблокировать не могли. Но на корпоративной лежали подотчетные деньги, а своих свободных денег у меня почти не осталось.

Я попробовала вспомнить остаток на личной карте. Хватит на продукты и несколько поездок, не на адвоката и квартиру. Они выбрали удобный момент: командировочные не

закрыты, зарплата еще не пришла. Банковское уведомление хотелось удалить, как грязную реплику в чате. Вместо этого сделала снимок экрана. Пусть дата блокировки останется рядом с датой их письма.

Я вспомнила цифры в квартальном отчете. Необъяснимые списания на консалтинговые услуги. Фирмы-однодневки, зарегистрированные на родственников Елены. Я должна была заметить это раньше. Но я была занята детьми, бытом, иллюзией семейного счастья.

А они использовали мою любовь как слепое пятно.

Мне давно не нравились счета за консультации: круглые суммы, одинаковые назначения платежа, новые получатели каждый месяц. Я задавала вопросы, а Андрей обижался, что я не доверяю его партнерам. Теперь свекровь называла это паранойей. Пожалуй, именно эти вопросы и стоило восстановить — по одному, с датами и ответами.

Я посмотрела на свои царапины на руке. Кровь запеклась, превратившись в бурые точки. Я не плакала. Слезы высохли внутри, оставив место для чего-то другого. Для льда.

Я так и не закрыла входную дверь. В дверях кухни появилась фигура. Баба Катя, наша соседка сверху. Она молча стояла, держа в руках стакан воды. Её лицо было сморщенным от беспокойства.

— Деточка, — сказала она тихо. — Выпей.

Я взяла стакан. Вода была холодной, живой.

— Он всегда был жестоким, — продолжила баба Катя,

глядя на мои коробки. — Но теперь он стал опасным. Ты поняла? Он не просто уходит. Он стирает тебя. Из документов. Из памяти. Из жизни детей.

Я держала стакан двумя руками, чтобы не расплескать. Она не спросила, довела ли я мужа, не предложила быть мудрее. От этой простой воды вдруг стало труднее удержать слезы. Я выпила маленький глоток: чужое доверие сейчас следовало беречь не меньше распечатки.

— Спасибо, — прошептала я.

Баба Катя кивнула и ушла, закрыв за собой дверь.

Я осталась одна. Поставила стакан на стол и открыла ноутбук. Экран загорелся; пришлось убавить яркость. Хотелось начать заявление словами «он забрал моих детей», но диспетчер уже это слышал. Чем я подтверждаю остальное? В ящике лежали старые отчеты. Нужен был кто-то, кто поможет проверить их по серверу.

Я открыла браузер. Курсор мигал на белом экране, ожидая команды.

Мне нужен был человек, который умеет читать то, что скрыто в коде. Человек, который знает, как восстанавливают удаленные логи, как находят следы фальшивых подписей, как ломают защиту баз данных.

Я начала печатать запрос. Каждую букву я набирала с усилием, вдавливая клавиши, словно выбивая приговор.

«ИТ-аудит медицинских баз данных. Независимый цифровой следователь. Восстановление логов доступа.»

Если они хотели сделать из меня сумасшедшую, я стану самым пугающим аудитором, которого они видели. Если они хотели украсть клинику, я найду каждую копейку и каждое доказательство.

Запрос получился длинным. Я стерла слово «взлом»: нужен специалист, а не человек, который пообещает месть за предоплату. В строке остались аудит и восстановление логов. Прежде чем нажать Enter, я еще раз посмотрела на запекшуюся кровь на руке. Как бы ни называл меня Андрей, это случилось со мной, а не в моей голове.

Я нажала Enter.

Глава 5

Понедельник пахнет пылью и остывшим кофе. В кадровой беседе мне запретили работать, но не выдали приказ на руки. Я толкаю дверь в общую бухгалтерию, и мой каблук стучит по линолеуму так громко, что даже мухи на подоконнике вздрагивают. Почти все столы пусты. Только гул серверов да шуршание принтера где-то в глубине коридора.

Я сажусь за свой стол. Тот самый, где пять лет назад я составляла квартальные отчеты, которые спасли клинику от банкротства. Пальцы привычно ложатся на клавиатуру, вызывая окно входа в 1С:Бухгалтерия. Пароль — комбинация имени дочери и даты нашего с Андреем знакомства. Я помню его наизусть, как молитву. Нажимаю «Enter».

Экран мигает красным.

«Access Denied. Учетная запись заблокирована.»

Я нажимаю Enter еще раз. Отказ остается на экране. Опечатку можно проверить; приказ Андрея — нет. Закрываю окно, чтобы Лена не видела, сколько раз я готова повторять одну и ту же бессмысленную попытку.

— Лена? — окликаю я коллегу, которая сидит напротив, перебирая бумажки. Она вздрагивает, оглядывается через плечо, будто ожидая удара, и только потом смотрит мне в глаза. В её взгляде нет сочувствия, только липкий страх.

— Верочка, ты же знаешь правила, — шепчет она, пони-

жив голос до скрипа. — IT-отдел все твои учетные записи заблокировал. Приказ главврача. На время отпуска без содержания... ну, ты понимаешь.

— Я понимаю, что это незаконно, — говорю я ровно, хотя внутри все горит синим пламенем. — Вызови администратора сети. Сейчас же. Или я пишу жалобу в прокуратуру о препятствовании профессиональной деятельности.

Лена бледнеет, но кивает. Через десять минут появляется Дима, молодой системный администратор, который раньше всегда здоровался со мной и спрашивал совета по налогам. Теперь он смотрит куда-то в мои туфли.

— Здравствуйте, Вера Андреевна, — бормочет он. Его пальцы нервно теребят провод от мышки. — Разблокировать могу только я или... ну, тот, у кого есть права админа архива. А их теперь две строчки в базе данных. Первая — ваш муж. Вторая — Елена Гром.

— Андрей сменил статус в HR-модуле вчера вечером, — говорю я, глядя ему прямо в лицо. — Автоматическая блокировка триггерной реакцией системы. Хитро. Очень хитро, Дима. Ты просто исполнитель, но ты же видишь, как это выглядит. Как издевательство.

Дима перестает теребить провод. На миг мне кажется, сейчас он назовет того, кто попросил блокировку. Но он только смотрит на дверной проем. Отсюда виден коридор Елены. Я отодвигаю стул, освобождая ему проход: удерживать мальчишку у своего стола не стану.

Я достаю телефон. Звоню Андрею. Гудки длинные, монотонные. Ни ответа. Перевожу взгляд на Елену, которая стоит в дверном проеме, скрестив руки на груди. Она улыбается. Той же улыбкой, что вчера в кабинете Андрея.

Набираю её номер. Она берет трубку сразу.

— Алло, Верочка! — её голос звучит сладко, как переспевшая груша. — Ты чего звонишь в рабочее время? Ты же в отпуске. Не мешай людям работать. У нас тут важный аудит.

— Верни доступ к системе, — говорю я тихо. — Иначе я приду с полицией и юристами.

— Полиция? — она фыркает. — О чем ты будешь писать заявление? Что муж не дает тебе пароль от компьютера? Смешно, Вера. Совсем смешно. Ты уже начала вести себя нестабильно. Это зафиксировано.

Она сбрасывает звонок. Я слышу гудки, а потом — смех за спиной. Обернувшись, вижу, как несколько медсестер, проходящих мимо, улыбаются друг другу. Для них я уже не главный бухгалтер. Я сумасшедшая жена, которая устраивает истерики из-за пароля.

Медсестры смеются, а я машинально проверяю, не лежат ли у меня на столе незакрытые платежи. Пять лет мне звонили сюда даже из отпуска. Сейчас стол можно освободить без единого вопроса. Уходить с пустыми руками я не хочу. Хотя что-нибудь в этой системе еще должно помнить, кто здесь работал.

В голове всплывает старый логин. Тот самый, который Андрей дал мне два года назад, чтобы я могла настроить сетевой принтер для печати накладных. Я тогда смеялась над ним, называя его параноиком, который оставляет ключи от сейфа жене.

Быстро печатаю адрес IP внутреннего сервера клиники. Ввожу логин `admin\_v`. Пароль — дата рождения сына.

Доступ разрешен.

Служебные таблицы загружаются медленно. Я не трогаю мышь, пока последняя строка не встает на место: лишний щелчок может закрыть единственное рабочее окно. В папке «Медицинские карты» вижу нулевые файлы с расширением «.tmp». Заглушки. Рядом закрытая директория «Архив_2024_Crypto». Нужно хотя бы записать, кому разрешено ее открывать.

Права доступа: `Read Only` для всех, кроме группы `Archivists`. Члены группы: `Sokolov\_A`, `Grom\_E`.

Именно здесь могли храниться следы. В списке значились справки о моем «нервном срыве» и выписка о «выкидыше» Елены. Содержимого я не видела; пока у меня были только названия и даты.

Я вставляю флешку. Система предупреждает о рисках безопасности. Я игнорирую. Начинаю копировать список файлов. Не содержимое — структуру. Имена, размеры, даты создания. Холодный пот течет по спине, стекает между лопатками. Я чувствую себя преступником в собственном до-

ме. Каждый щелчок клавиши кажется оглушительным.

Закончив, я выдергиваю флешку и кладу ее в карман пальто. Сердце колотится где-то в горле. Нужно уйти. Пока никто не заметил.

Выхожу в коридор. Свет люминесцентных ламп режет глаза. И тут я сталкиваюсь с ней.

Елена Гром стоит посреди коридора, прислонившись к стене. В руках она держит распечатанный журнал регистрации пациентов. Она видит меня. Видит мою побледневшую физиономию. И медленно, нарочито громко начинает говорить, зная, что рядом стоят врачи из операционного блока.

— Верочка, — тянет она, делая шаг навстречу. — Ты забыла свой отпускной билет? Или хочешь объяснить коллегам, почему твоя подпись стоит под диагнозом «шизоаффективное расстройство»?

Журнал раскрыт на странице с моим именем. Подпись действительно похожа на мою. Идеальная имитация почерка.

Коллеги замирают. Кто-то делает вид, что читает карту пациента. Кто-то смотрит с любопытством хищника.

Подделанную подпись хочется накрыть ладонью. Коллеги уже тянут шеи, чтобы рассмотреть ее. Я оставляю журнал у Елены: брать его сейчас значит дать ей повод кричать о краже. Запоминаю страницу и заголовок. И прохожу мимо, хотя внутри стоит такая ругань, что ни один из них не узнал бы во мне прежнего главбуха.

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони, оставляя полумесяцы боли. Боль возвращает ясность. Не оборачиваюсь. Слышу за спиной её тихий, победный смешок.

Глава 6

Дома темно. Дети остались у бабушки. Я включаю ноутбук и подключаюсь к домашнему Wi-Fi. Открываю сохраненное служебное VPN-соединение, затем вбиваю в браузер внутренний IP.

Страница загружается. Секунда. Две. Три.

Всплывает черное окно терминала. Белые буквы появляются одна за другой, словно пули:

«Connection established...»

«Unauthorized access detected...»

«Security protocol initiated...»

«Logging user actions...»

Последняя строка остается на экране дольше остальных: действия записываются. В клинике это называлось обычным журналом безопасности. В руках Андрея каждый мой вход станет обвинением. Я уже вывезла список файлов; проверять дальше из дома сейчас глупо. Еще одну попытку им не подарю.

Я выдергиваю кабель из роутера. Индикатор соединения гаснет. Я сижу неподвижно, глядя на пустой дверной проем детской. Мое сердце бьется так, что хочется кричать.

Утро приходит с грохотом. Дверь открывается без стука. Андрей входит, держа в руке коробку с документами. Он выглядит свежим, выбритым, в дорогом костюме. Контраст с

моей всклокоченной головой и кругами под глазами разит, как запах гари.

Он видит меня с ноутбуком и флешкой в USB-порту.

— Ты все еще пытаешься? — спрашивает он холодно. В его голосе нет злобы, только усталость от игры, которую он уже выиграл. — Если продолжишь попытки взлома, я подам заявление по статье 272 УК РФ. Несанкционированный доступ к компьютерной информации. До двух лет лишения свободы.

Я поднимаю на него глаза. Мне не страшно. Мне больно. Больно от того, как легко он использует закон против собственной жены.

— Ты думаешь, я боюсь тюрьмы? — шепчу я. Голос срывается, но я выпрямляю спину. — Я боюсь того, что ты сделал с моими детьми. Называя меня сумасшедшей, ты готов потерять их навсегда. Ради чего? Ради Елены? Ради этих грязных денег?

Андрей морщится, словно от неприятного запаха. Он бросает на стол конверт.

— Подпиши соглашение. Квартира тебе, дом и клиника мне. И мы расходимся тихо. Иначе суд по опеке будет жестким. Свидетели уже найдены. Врачи, коллеги, даже твоя мать. Все говорят, что ты неустойчива.

Хлопок двери сотрясает стены. Конверт лежит на столе. Повестка в суд. Дата заседания — через неделю.

Я беру конверт. Руки не дрожат. Внутри лежит бумага —

карта минного поля, которое он расставил вокруг меня.

Открываю ящик стола, где среди старых визиток нахожу нужную. Черный картон, серебряная тисненая надпись: «Максим Титов. Независимый IT-аудитор».

Я помню конференцию по цифровой безопасности два года назад. Он говорил о рейдерских захватах через фальсификацию баз данных. Тогда я думала, что это чужие проблемы.

Набираю номер. Автоответчик. Оставляю голосовое сообщение, стараясь говорить максимально сухо и по делу:

— Максим, это Вера Соколова. Корпоративный саботаж. Использование служебного положения для уничтожения доказательств финансовых махинаций через медицинскую документацию. Нужен эксперт, который сможет отличить правду от кода.

Через час приходит ответ. Текст сообщения короткий, сухие буквы на экране телефона:

«Если это просто развод, я не буду тратить время. Если это рейдерский захват — скинь логи блокировок и хеш-суммы документов через защищенный канал. Жду».

Я открываю файл с флешки. Смотрю на даты создания документов. Мой «диагноз» был создан за три дня до того, как я якобы сорвалась. А выписка Елены — за месяц до предполагаемого «выкидыша». Цифры не врут. Они показывают механизм.

Отправляю файлы Максиму. Закрываю крышку ноутбука.

Ответ приходит быстро. Всего одно слово:

«Жду».

Я перечитываю «Жду» и ищу в переписке сумму аванса. Максим пока ее не назвал. Это настораживает меньше, чем обещание разобраться за один вечер. Он потребовал логи, а не рассказ о том, как меня обидели. На такое требование я хотя бы знаю, что ответить.

Снова открываю ноутбук и проверяю, открывается ли список с флешки. Строки на месте. Заблокировать меня им удалось; стереть все, что я успела заметить, — пока нет. На подоконнике стоит детская кружка с недопитым какао. Я отношу ее в раковину и возвращаюсь ждать ответа Максима.

Ветер на балконе был ледяным, но я чувствовала только жар, поднимающийся от груди. Пятый этаж. Перила скрипнули, когда я оперлась на них. Внизу горели огни ночного города, равнодушные и вечные. Мне хотелось просто сделать шаг. Один маленький шаг в пустоту, чтобы боль перестала быть физически ощутимой. Чтобы не было этого звона в ушах, этой тошноты от предательства Андрея, этого взгляда Елены Гром, который резал, как скальпель.

Телефон в кармане халата завибрировал, разрывая тишину ночи. Я не смотрела на экран. Пусть это будет он. Пусть лучше Андрей снова напишет свою холодную формулировку: «Уходи, пока я не вызвал полицию». Но звонок оборвался через секунду. Потом снова. И снова. Настойчивый, требовательный.

Я схватила телефон дрожащими пальцами. Экран светился тускло: «Воспитательница Алисы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.